

THE OXUS SOCIETY FOR CENTRAL ASIAN AFFAIRS

РЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В
МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

АЙЗАДА НУРИДДЕНОВА, ЖАНИБЕК АРЫНОВ

РЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

This report is published as part of the “Kazakhstan Futures Program” (January-September 2023) with financial support from the U.S. Embassy in Kazakhstan.

Об авторах:

Айзада Нуридденова – доцент кафедры социальных наук Университета Сулеймана Демиреля в Казахстане и в настоящее время приглашенный научный сотрудник IERES. Она имеет докторскую степень в области международных отношений со специализацией в области внешней политики Китая, полученную в Школе международных и общественных отношений Цзилиньского университета в Китае. Ее исследовательские интересы сосредоточены на внешней политике Китая и регионализме в Центральной Азии.

Жанибек Арынов – доцент Высшей школы государственной политики. Впервые он присоединился к Школе в качестве постдокторанта в июле 2019 года. Доктор Арынов получил степень доктора философии в области международных отношений, Университет Сент-Эндрюс, Великобритания. Его исследовательские интересы включают геополитику Центральной Азии, внешнюю политику Казахстана, отношения ЕС и Центральной Азии, а также исследования международной идентичности, имиджа и восприятия.

**THE OXUS SOCIETY
FOR CENTRAL ASIAN AFFAIRS**

THE OXUS SOCIETY
FOR CENTRAL ASIAN AFFAIRS

РЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В
МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ВВЕДЕНИЕ ^{1,2}

В настоящее время пять государств Центральной Азии оказались частью нового геополитического ландшафта после вторжения России в Украину в феврале 2022 года. Многие эксперты отмечают заметное увеличение дипломатического взаимодействия стран Центральной Азии с внешними державами за последние два года, связывая это развитие с потенциальным ослаблением российского влияния в регионе в результате войны.³ В частности, что касается внутрирегиональных отношений, большая часть этой дипломатической деятельности сосредоточена на торговле и связях, поскольку Соединенные Штаты, Европейский Союз, Китай и другие страны стремятся укрепить цепочки поставок, избегающие России. В то же время Россия продолжает взаимодействовать со странами Центральной Азии на самом высоком уровне: с февраля 2022 года президент России Владимир Путин совершил несколько визитов в регион.

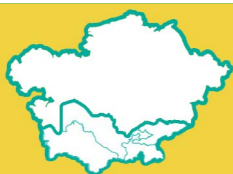
Эксперты уже давно называют Центральную Азию одним из «наименее интегрированных» регионов мира.⁴ За первоначальными усилиями по региональному сотрудничеству в 1990-х и начале 2000-х годов последовала стагнация продолжительностью более десяти лет. Внешние наблюдатели отмечают низкий уровень доверия между правительствами стран Центральной Азии как важный фактор, препятствующий региональному

¹ Мария Блэквуд участвовала в разработке этого исследовательского проекта и в подготовке вводной части к этому отчету. Однако, выводы, рекомендации или политические разработки, возникшие в результате дискуссий или результатов работы Общества Оксус или содержащиеся в публикациях или результатах работы Общества Оксус, были сформулированы и одобрены без участия Марии Блэквуд или Исследовательской службой Конгресса.

² Авторы хотели бы поблагодарить Темирлана Умирбекова и Меруерт Адылгазину за помощь в процессе сбора и кодирования данных.

³ См., например, Марк Темницкий, «Запад присматривается к Центральной Азии для более тесных отношений», *Diplomat*, 13 декабря 2023 г.; Кен Мориясу, «США» имеет прекрасную возможность привлечь внимание тюркских стран Центральной Азии: аналитика *Nikkei Asia*, 31 декабря 2023 г.

⁴ См., к примеру, Азиатский банк развития, Оценка поддержки АБР Программы Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества, 2011–2022, Май 2023, п. vii, 1; Сванте Э. Корнелл и С. Фредерик Старр, «Твердая рука: стратегия и политика ЕС в отношении Центральной Азии на 2019 год», Институт Центральной Азии и Кавказа, 2019, стр. 15, 49; Государственный департамент США, «Новый Шелковый путь после 2014 года: вызовы и возможности», выступление Ниши Десаи Бисвал, помощника госсекретаря Бюро по делам Южной и Центральной Азии, 22 января 2015 г.

сотрудничеству.⁵ Но региональные отношения получили новый импульс после смены руководства Узбекистана в 2016 году. С момента прихода к власти президент Шавкат Мирзиёев провозгласил политику «добро-соседства», которая определяет Центральную Азию как «главный приоритет внешней политики Узбекистана».⁶

Этот сдвиг во внешней политике Узбекистана привел к интенсификации регионального сотрудничества на высоком уровне, а страны Центральной Азии добились прогресса в решении некоторых давних проблем, включая демаркацию некоторых национальных границ. Встреча глав четырех государств Центральной Азии в Астане (Казахстан) в марте 2018 года⁷ стала первой такой встречей почти за десятилетие и положила начало ежегодной консультативной встрече, которая проводилась пять раз. Пятая консультативная встреча, состоявшаяся в сентябре 2023 года, продемонстрировала, что государства Центральной Азии достигли определенных ощутимых результатов в углублении регионального диалога и сотрудничества.⁸ Хотя пандемия Covid-19 и связанное с ней закрытие границ создали проблемы для усилий по региональной интеграции, контакты на высоком уровне продолжались.

Эти события поднимают вопрос о том, изменились ли внутрирегиональные отношения в контексте как региональных событий, так и внешних геополитических изменений, и каким образом. Наш проект направлен на изучение и количественную оценку интенсивности межрегионального взаимодействия на высоком уровне. Как изменилось внутрирегиональное сотрудничество на высоком уровне в Центральной Азии за последние годы? Это основной исследовательский вопрос, заложенный в основу данного проекта.

⁵ Европейский парламент, Резолюция от 13 апреля 2016 г. «О реализации и обзоре стратегии ЕС-Центральная Азия», A8-0051/2016.

⁶ Министерство иностранных дел Республики Узбекистан, «Внешняя политика Республики Узбекистан», доступно по ссылке: <https://www.mfa.uz/en/pages/vneshnaya-politika>.

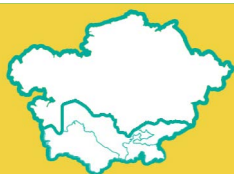
⁷ Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов на первой встрече не присутствовал. Вместо него Туркменистан представляла председатель Меджлиса Туркменистана Акджа Нурбердыева.

⁸ Филиппо Коста Буранелли, «Центральноазиатский регионализм после пятой встречи лидеров», *Diplomat*, 9 сентября 2023 г.

Чтобы изучить этот и связанные с ним вопросы, мы собрали набор данных о двусторонних и многосторонних внутрирегиональных событиях между (а) президентами (П), (б) премьер-министрами (ПМ) и (в) министрами иностранных дел (МИД) стран Центральной Азии. Под «событиями» мы подразумеваем любой вид взаимодействия между этими должностными лицами пяти государств, включая визиты, встречи, телефонные звонки, видеозвонки и телеграммы. Наш набор данных охватывает взаимодействия за четыре года: 2015 год – до смены президента Узбекистана; 2019 г. – после смены президента в Узбекистане и до пандемии Covid-19; 2022 и 2023 годы – после пандемии Covid-19 и вторжения России в Украину. Набор данных показывает заметный сдвиг в динамике региональных отношений со значительным увеличением количества взаимодействий на высоком уровне и переходом к более предметным формам взаимодействия. При этом большинство зафиксированных внутрирегиональных взаимодействий происходило на двусторонней основе, а не с участием более чем двух государств Центральной Азии. Наши результаты показывают, что внутрирегиональные контакты в Центральной Азии по-прежнему направляются президентами, и показывают, что Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан являются наиболее активными игроками во взаимодействии на высоком уровне между странами региона.

МЕТОДОЛОГИЯ

Наш набор данных призван отследить степень, в которой внутрирегиональные взаимодействия на высоком уровне на уровне глав государств, премьер-министров и министров иностранных дел различаются в разные годы: 2015, 2019, 2022 и 2023 годы. При сборе примеров взаимодействия мы полагались *только* на данные, представленные на официальных сайтах президентов (*akorda.kz; president.kg; president.tj; president.uz*), и министров иностранных дел государств (*gov.kz/mfa; mfa.gov.kg; mfa.tj; mfa.gov.tm*;

mfa.uz) Центральной Азии. Что касается Туркменистана, мы также ознакомились с электронной газетой «Золотой век» (*turkmenistan.gov.tm*), поскольку на этой платформе сообщается о многих взаимодействиях высших должностных лиц Туркменистана. Набор данных включает в себя все многосторонние и двусторонние визиты, личные встречи, телефонные звонки, видеозвонки и телеграммы, опубликованные на этих сайтах с участием соответствующих должностных лиц.

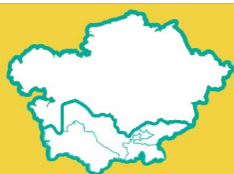
Полученные данные затем были вручную закодированы на пять категорий: (1) политические деятели, участвующие во взаимодействиях (П-П, ПМ-ПМ, МИД-МИД и «смешанные» (например, П-ПМ) , П-МИД или ПМ-МИД); (2) средства взаимодействия (личные встречи, телефонные звонки, видеозвонки и телеграммы) (3) формат взаимодействия (многосторонний или двусторонний); 4) страны, участвующие во взаимодействии; и, наконец, (5) темы, обсуждавшиеся во время взаимодействия. Последняя категория была самой сложной с точки зрения кодирования, поскольку многие случаи взаимодействия охватывали разные темы, и их было сложно отнести к одной категории. В дополнение к этому, когда веб-сайты, указанные выше, сообщают о таких взаимодействиях, они не предоставляют подробной информации по обсуждаемым темам, а скорее предоставляют общие примечания. Тем не менее, мы решили разделить взаимодействия на (а) политические вопросы (случаи, когда обсуждались только политические вопросы, например, в январе) события в Казахстане или протесты Каракалпакстана в Узбекистане (б) экономические вопросы (случаи, когда обсуждались только экономические вопросы); (с) вопросы безопасности (случаи, когда обсуждались только вопросы безопасности, включая пограничные и «афганские» вопросы); (г) техническое взаимодействие (случаи, когда министры иностранных дел встречались, обычно перед президентскими встречами, чтобы обсудить детали саммита или наметить повестку дня/календарь будущих встреч); (д) церемониальное общение (поздравления и соболезнования); и (е) взаимодействие с комплексной повесткой дня (взаимодействие с двумя и более общими вопросами для обсуждения).

Набор данных имеет некоторые ограничения. Во-первых, этот набор данных не отражает в полной мере весь масштаб региональных взаимодействий в Центральной Азии, поскольку он сосредоточен исключительно на официальных мероприятиях высокого уровня, которые являются лишь одним из уровней регионального сотрудничества. Во-вторых, набор данных намеренно избегает взаимодействия стран Центральной Азии в многосторонних региональных институтах. Набор данных концентрируется на взаимодействиях исключительно центральноазиатского характера, то есть на том, как официальные лица стран Центральной Азии взаимодействуют между собой на двухсторонней и многосторонней основе без участия каких-либо внешних игроков. Наконец, поскольку мы собирали данные только с официальных сайтов, мы предполагаем, что эти сайты могут не содержать полный список взаимодействий за выбранные годы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В целом, собранные данные показывают, что количество взаимодействий между президентами (П), премьер-министрами (ПМ) и министрами иностранных дел (МИД) стран Центральной Азии заметно увеличилось с 2015 года. Наш набор данных включает 60 взаимодействий за 2015 год, в 2019 году – количество зафиксированных взаимодействий составило 87 и выросло до 147 в 2022 году. Мы наблюдаем, что эта тенденция роста продолжилась и в 2023 году, достигнув 158 зафиксированных взаимодействий между высшими государственными чиновниками. За этот период не только количество ежегодных взаимодействий увеличилось более чем вдвое, но и содержание этих взаимодействий, по-видимому, значительно возросло.

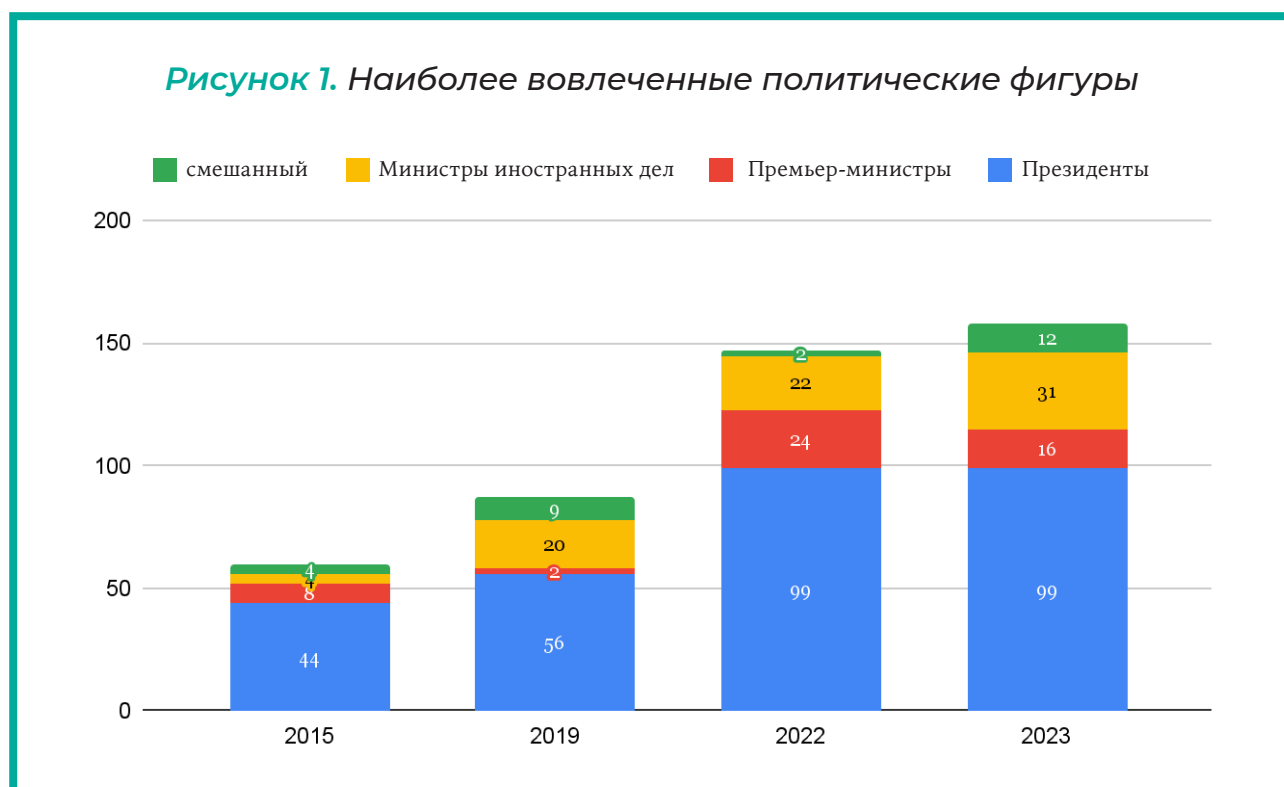
Как упоминалось выше, мы кодируем набор данных с точки зрения (1) политических деятелей, наиболее вовлеченных во взаимодействие; (2) средства взаимодействия; (3) формат взаимодействия – двусторонний

или многосторонний; (4) страны, наиболее вовлеченные во взаимодействие, и (5) наиболее обсуждаемые темы.

Задействованные политические деятели

Собранный набор данных показывает, что сотрудничество в Центральной Азии в значительной степени определяется главами государств. В среднем около двух третей взаимодействий между центральноазиатскими республиками происходило на уровне президентов. Мы видим, что этот показатель остается относительно стабильным на протяжении 2015, 2019, 2022 и 2023 годов.

Более того, многие примеры взаимодействия, которые мы отнесли к «смешанной» категории⁹, также включают взаимодействие президентов

⁹ Мы отнесли к «смешанной» категории те взаимодействия, которые происходили между должностными лицами разных уровней, то есть между президентом и премьер-министром, президентом и министром иностранных дел, между премьер-министром и министром иностранных дел.

в регионе с чиновниками более низкого уровня в соседних государствах. В результате, общее участие президентов возросло. Напротив, взаимодействие премьер-министров (ПМ) и министров иностранных дел (МИД) стран Центральной Азии друг с другом остается скромным по сравнению с уровнем активности президентов.

Однако, мы наблюдали резкое увеличение количества взаимодействий с участием премьер-министров: с 8 в 2015 году и 2 в 2019 году до 24 в 2022 году с небольшим снижением до 16 в 2023 году. Мы предполагаем, что этот рост мог быть вызван двумя факторами. С одной стороны, некоторые из этих церемониальных взаимодействий (например, поздравительные телефонные звонки или телеграммы по таким праздникам, как День Победы, Новый год, Рамадан и т. д.), о которых сообщалось на официальных сайтах в 2022 и 2023 годах, иногда отсутствовали в 2015 и 2019 годах. Другими словами, в 2022 и 2023 годах премьер-министры либо стали чаще церемониально взаимодействовать, либо их офисы стали более регулярно отчитываться о таких взаимодействиях. Во-вторых, большое количество взаимодействий между премьер-министрами в 2022 и 2023 годах можно отнести к премьер-министру Казахстана Алихану Смаилову, вступившему в должность после январских событий в Казахстане в 2022 году. В частности, 17 событий (71%) из 24 в 2022 году и семь взаимодействий (44%) из 16 в 2023 году касались премьер-министра Казахстана, который, в основном, взаимодействовал со своими кыргызскими и узбекскими коллегами. Некоторые из этих взаимодействий относятся к упомянутым ранее церемониальным встречам, а некоторые – к встречам на полях региональных организаций, таких как СНГ и ЕАЭС. Опять же, мы предлагаем два возможных объяснения относительно большей активности премьер-министра Казахстана: (1) его офис, возможно, мог более активно сообщать о его взаимодействиях; и (2) такой активный подход мог быть также вызван внутренним давлением, т.е. после январских событий политическое руководство провозгласило идею «Нового Казахстана», обещая ряд политических и социально-экономических реформ. В этом контексте некоторые политические деятели Казахстана, в том числе премьер-министр Смаилов, могли бы проводить более активную политику.

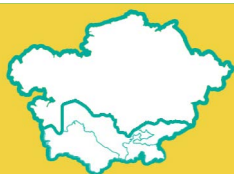
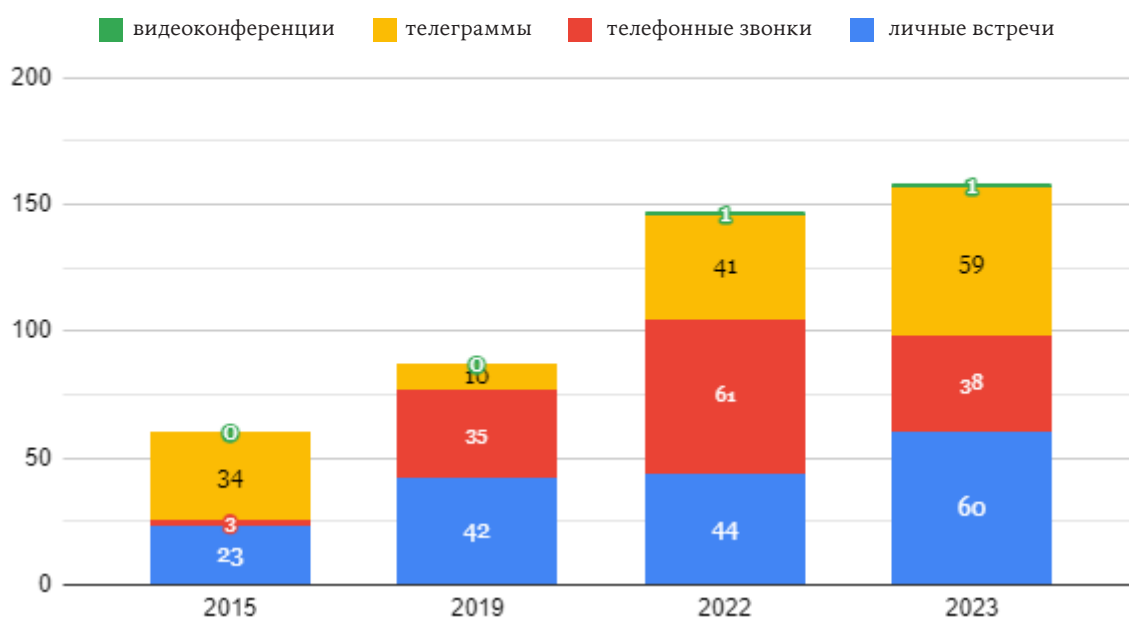
Несмотря на такой рост взаимодействия как премьер-министров, так и министров иностранных дел в 2022 и 2023 годах, мы по-прежнему наблюдаем огромное несоответствие между президентами и другими политическими фигурами. Такое несоответствие, возможно, можно объяснить совпадением нескольких факторов. Во-первых, в политическом контексте Центральной Азии внешняя политика традиционно находится в руках президентов, тогда как министры иностранных дел, в основном, играют роль исполнителей, а не разработчиков политики. Во-вторых, роль премьер-министров в Центральной Азии носит внутренний характер; они, в основном, занимаются внутренними, а не внешними проблемами. В-третьих, в Центральной Азии информационный охват президентов может быть гораздо выше. Следовательно, более качественная отчетность о внешних связях президентов по сравнению с взаимодействиями других чиновников также могла повлиять на наш набор данных. В-четвертых, набор данных также искажается в пользу президентов, поскольку включает большое количество официальных телеграмм и телефонных звонков, которые президенты отправляют друг другу, тогда как премьер-министры и министры иностранных дел реже практикуют такое взаимодействие. Наконец, министры иностранных дел стран Центральной Азии часто встречаются на многосторонней основе с представителями внерегиональных игроков в формате «С5+1», но набор данных исключает такие взаимодействия. Тем не менее, мы по-прежнему видим, что частота и содержание президентских встреч в Центральной Азии остаются заметно выше, чем встречи премьер-министров и министров иностранных дел.

Средства взаимодействия

Мы также рассмотрели, как взаимодействуют друг с другом высокопоставленные чиновники стран Центральной Азии. В этом отношении тоже можно наблюдать видимые изменения. Например, в 2015 году половина зарегистрированных взаимодействий составляла обмен телеграммами между президентами (34 из 66) по случаю президентских

выборов в Узбекистане и Казахстане, дней рождения президентов, дней независимости и по другим подобным поводам. Эти обмены телеграммами были всего лишь формальной практикой и мало что дали с точки зрения реального содержания центральноазиатского сотрудничества. В 2019 году доля обмена телеграммами упала до 10 (из 87), но впоследствии снова выросла до 41 (из 147) и 59 (из 158) в 2022 и 2023 годах соответственно. Такой рост в последние годы отчасти можно объяснить увеличением количества зарегистрированных поздравительных телеграмм между президентами стран Центральной Азии. В настоящее время президенты, премьер-министры и министры иностранных дел обмениваются телеграммами по случаю национальных праздников, религиозных праздников, дней рождения, а также регулярно выражают соболезнования по поводу некоторых трагических событий. Например, всего за 10 дней с 31 августа по 9 сентября 2023 года в связи с Днями независимости Кыргызстана и Таджикистана было отправлено 13 телеграмм (22% от общего количества).

Рисунок 2. Средства взаимодействия

По сравнению с 2015 годом мы также наблюдаем увеличение количества телефонных звонков между официальными лицами стран Центральной Азии в 2019, 2022 и 2023 годах. Мы утверждаем, что телефонные звонки и, тем более, личные встречи имеют большее значение, когда речь идет об углублении регионального сотрудничества. Иными словами, ценность телефонных звонков и личных встреч заметно выше, чем ценность обмена телеграммами, если оценивать реальную суть взаимодействия. В результате увеличение их частоты в 2019 и 2022 годах можно рассматривать как признак углубления центральноазиатского сотрудничества. Например, количество зарегистрированных телефонных звонков между чиновниками из стран Центральной Азии значительно выросло с 2015 года. Особенно в 2022 году количество телефонных звонков составляло более 40% всех взаимодействий. Это может быть связано с январскими событиями в Казахстане, протестами в Каракалпакстане, а также президентскими выборами в Казахстане и Узбекистане. Например, в январе 2022 года казахстанские чиновники провели двенадцать телефонных разговоров со своими коллегами из других стран Центральной Азии.

Мы наблюдаем существенное и, возможно, более важное увеличение количества личных контактов между чиновниками Центральной Азии. Если в 2015 году зарегистрировано всего 23 личных взаимодействия, то к 2023 году эта цифра почти утроилась. Как утверждалось выше, мы предполагаем, что личные встречи богаче и по содержанию взаимодействий. В результате можно утверждать, что с 2015 года существенно выросло не только количество, но и качество центральноазиатских внутрирегиональных взаимодействий.

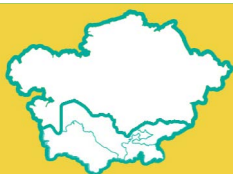
Формат взаимодействия

Двусторонний формат взаимодействия высокопоставленных чиновников стран Центральной Азии остается доминирующим. Например, все зарегистрированные взаимодействия в 2015 году проводились в двустороннем

порядке, тогда как в 2019 году только два мероприятия состоялись в многостороннем формате. В 2022 и 2023 годах было четыре многосторонних взаимодействия из 110 и 160 соответственно. Как упоминалось ранее, набор данных не включает многосторонние встречи официальных лиц стран Центральной Азии под эгидой региональных/международных организаций и форматов «С5+1». Иными словами, во внутрирегиональном сотрудничестве в значительной степени преобладает двусторонний подход, исключая консультативные встречи глав государств и предстоящие им подготовительные встречи.

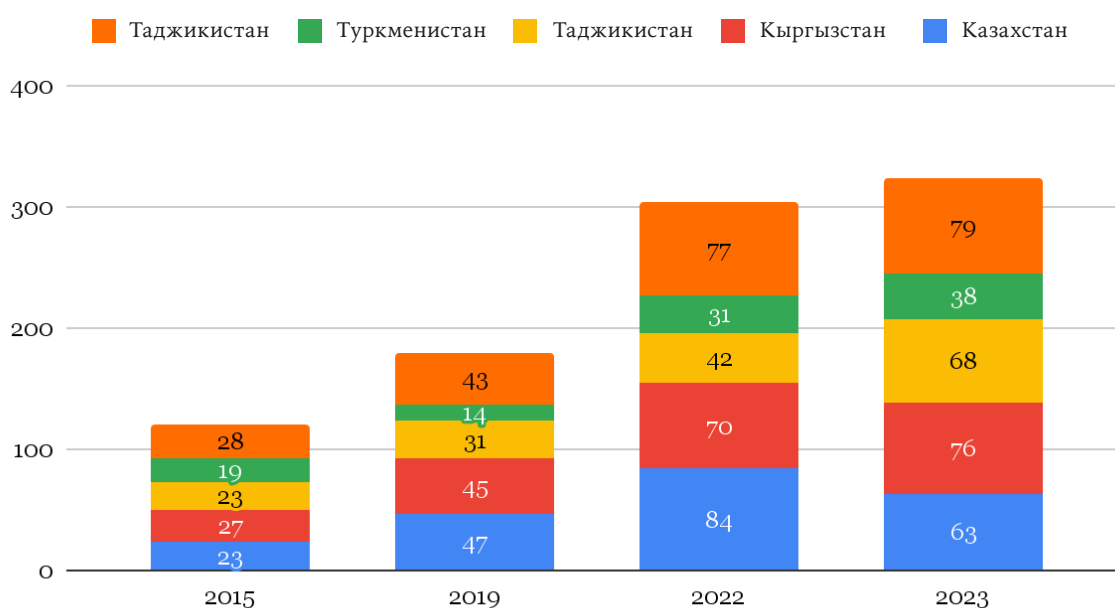
Такая тенденция выглядит удивительной, учитывая высокую официальную риторику в регионе, которая утверждает, что вызовы, с которыми в настоящее время сталкиваются страны, требуют многостороннего сотрудничества всех стран региона. Однако мы видим, что такая риторика вряд ли реализуется на практике. Это также свидетельствует об отсутствии институционализации центральноазиатского регионального сотрудничества.

Страны, наиболее вовлеченные во взаимодействие

Как и ожидалось, Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан оказались наиболее вовлеченными странами во взаимодействие в Центральной Азии. В 2022 году наблюдается резкий рост количества взаимодействий по Казахстану, что можно объяснить январскими событиями, учитывая, что большая часть из 22 взаимодействий в январе и феврале касалась Казахстана. Это число вернулось к среднему значению в регионе в 2023 году, когда только Туркменистан продемонстрировал более низкое участие, чем Казахстан, в региональных делах. Узбекистан и Кыргызстан также проявляли аналогичную активность во все годы наблюдения. Что касается Таджикистана, то он был довольно пассивным региональным игроком в 2015, 2019 и 2022 годах. Тем не менее, мы можем заметить, что ему удалось увеличить количество своих взаимодействий с другими государствами Центральной Азии до среднего уровня по региону. Наконец, значительный рост количества взаимодействий для Туркменистана был отмечен с 2019 по 2022 год, когда их число увеличилось более чем вдвое. Можно предположить,

Рисунок 4. Количество взаимодействий стран

что назначение нового президента Сердара Бердымухамедова привело к более совместной государственной политике. Этот аргумент может быть подкреплён дальнейшим увеличением туркменского взаимодействия в 2023 году.

Непрерывный рост взаимодействия Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана также можно объяснить географическим контекстом. Эти страны все еще вовлечены в процесс делимитации и демаркации своих границ, что требует дополнительных консультаций между ними. Более того, недавние события в Афганистане вынудили эти государства провести ряд встреч, формируя единый ответ на растущие вызовы.

Наиболее обсуждаемые темы

Многие взаимодействия, зарегистрированные в наборе данных, особенно личные встречи и телефонные звонки, часто охватывают целый ряд различных тем, что затрудняет их кодирование в один элемент (например, экономику, политику, безопасность и т.д.). При этом информация, представленная на официальных сайтах, не всегда содержит подробную информацию о том, какие темы обсуждались сторонами в ходе взаимодействия. Вместо этого они могут просто сообщить, что стороны обсудили «состояние двусторонних связей» или «дальнейшее углубление двусторонних связей». Поэтому некоторые случаи взаимодействия, которые содержали более одной темы или не имели подробной информации по обсуждаемым темам, были закодированы как подкатегория «комплексная повестка дня».

Результаты нашего кодирования показывают, что наиболее распространенным типом взаимодействия на сегодняшний день является «церемониальное взаимодействие», которое составляло более 50% взаимодействий за все годы исследования. «Церемониальные взаимодействия» включают телеграммы и телефонные звонки с поздравлениями и соболезнованиями. Мы также можем наблюдать, что случаи

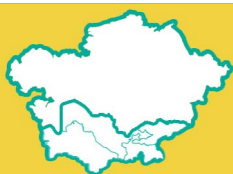
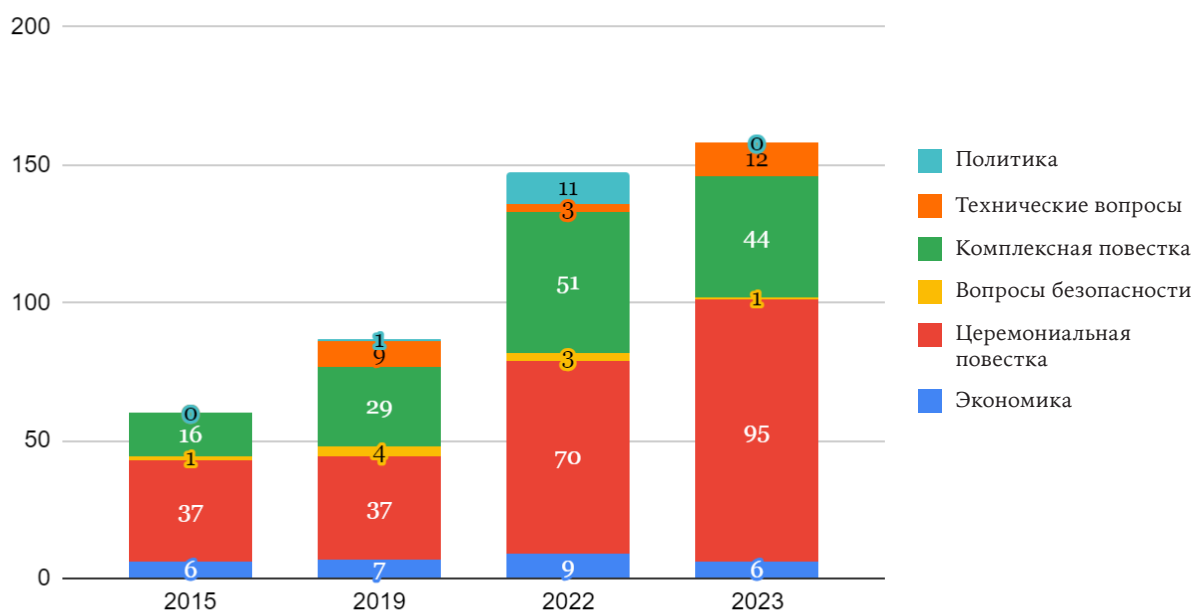

Рисунок 5. Наиболее обсуждаемые темы

«церемониального взаимодействия» пропорционально и последовательно увеличиваются с 2015 года. Хотя они могут способствовать региональному сотрудничеству и способствовать дружественному характеру регионального сотрудничества, они не дают многого с точки зрения содержания взаимодействия.

Тем не менее, мы также наблюдаем, что количество взаимодействий с «комплексной повесткой дня» также увеличилось с 16 в 2015 году до 51 в 2022 году, а затем немного снизилось до 44 в 2023 году. «Комплексная повестка дня» включала случаи, когда во время взаимодействия обсуждаются две или более темы. Очень часто информация на веб-сайтах не содержит конкретных подробностей по этим темам, а лишь перечисляет эти отрасли поименно. Эти типы взаимодействий являются наиболее содержательными, и обычно в ходе таких взаимодействий обсуждается комплекс из нескольких вопросов. Если присмотреться (там, где позволяют данные), то также можно заметить, что темы, связанные с экономикой, такие как торговля, инвестиции, совместные предприятия или инфраструктурные

проекты, являются постоянной составляющей таких взаимодействий. Кроме того, есть отдельная категория, в которую включены инстанции, где обсуждаются только темы, связанные с экономикой. Очевидно, что количество таких случаев стабильно на протяжении многих лет.

В целом можно сделать вывод, что в содержании взаимодействий на высшем уровне стран Центральной Азии преобладают экономические темы. Напротив, политические темы (за исключением 2022 года, когда произошли январские события в Казахстане и протесты в Узбекистане), а также темы безопасности редко становятся отдельной темой для обсуждения среди первых лиц стран Центральной Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью текущего проекта было изучение и проведение количественной оценки интенсивности региональных взаимодействий на высоком уровне в Центральной Азии в 2015, 2019, 2022 и 2023 годах. Анализ собранного набора данных позволяет нам сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, набор данных показывает, что внутрирегиональные официальные контакты на высоком уровне в Центральной Азии значительно активизировались с 2015 года. Во-вторых, с 2015 года выросло не только количество официальных взаимодействий, но и качество и содержание этих взаимодействий стали более глубокими, поскольку увеличилось количество личных телефонных звонков и личных встреч. В-третьих, сложно назвать одного конкретного активного игрока, который бы служил движущей силой регионального сотрудничества, поскольку Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан на протяжении многих лет чередуются как наиболее активные государства во внутрирегиональных взаимодействиях. Стоит отметить, что Таджикистан, похоже, медленно “догоняет” эти три страны, тогда как Туркменистан все еще отстает.

Наконец, несмотря на существенное увеличение количества и качества внутрирегионального взаимодействия, официальное сотрудничество в Центральной Азии по-прежнему остается, в основном, двусторонним и управляемым президентом.

Набор данных не выявил каких-либо мероприятий, способствующих институционализации внутрирегионального сотрудничества в Центральной Азии. Хотя формат консультативных встреч президентов полуинституционализируется с созданием Совета национальных координаторов, основная часть взаимодействия в рамках региональных обязательств на высоком уровне, похоже, осуществляется на двусторонней основе. Это может служить еще одним индикатором реального состояния регионального сотрудничества в Центральной Азии.

Этот набор данных предлагает отправную точку для дальнейшего изучения меняющегося характера региональных отношений в Центральной Азии. Результаты исследования открывают несколько направлений для будущих исследований и анализа. Во-первых, необходимо изучить, как и почему двустороннее взаимодействие растет в рамках высокопоставленных представителей правительств стран Центральной Азии, тогда как многостороннее взаимодействие в регионе по-прежнему предполагает международное присутствие (например, такие структуры, как C5+1, СНГ, ШОС). Это особенно необходимо в свете совпадающей риторики официальных лиц Центральной Азии – обычно высказываемой на ежегодных консультативных встречах лидеров – о решении насущных проблем региона посредством взаимного сотрудничества и координации. Во-вторых, требуется дальнейшее изучение того, как эти официальные обязательства отражаются на практике на местах, путем рассмотрения трансграничных взаимодействий, количества внутрирегиональных рейсов и поездок, динамики внутрирегиональной торговли и инвестиций, взаимоотношений между людьми, взаимодействие и т.д. В-третьих, то, как основные региональные игроки – Россия, Китай и Турция – рассматривают эти события и оказывают ли их действия сдерживающее или поощряющее воздействие на сплоченность Центральной Азии, требует отдельного углубленного анализа.